

Природа-всодержительница скоро изменит все, что ты видишь, и создаст что-нибудь другое, а затем и еще что-нибудь новое, дабы вечно юным пребывал мир.

Марк Аврелий

Глава 1

ЛЕТО В АНТАРКТИДЕ

*78°28' южной широты, 106°46' восточной долготы.
Российская антарктическая станция «Восток»
7 февраля 2011 года*

Свет и тьма льнут друг к другу. Солнце и непроглядный мрак, там, на многокилометровой глубине, жаждут соединиться, вонзиться сияющими лучами, сковать холодом вечной ночи, окутать тенью, сокрыть, утащить на дно, вспороть вспышкой света, зажигая солнечный огонь глубоко внутри. Чтобы свет захлебнулся тьмой, чтобы тьма забеременела светом, поглощая друг друга без остатка, растворяясь, источая новые соки, высекая искры из скал, взбаламучивая пески, преображаясь, за- тихая на мгновения и снова вскипая от страсти.

И только льды преграда любви.

Песни китов в океане, там, за границей льдов.

И солнце, что слепит глаза без пощады в разгар антарктического лета в месяце феврале.

Да, совершенно точно. Стояло лето в разгаре, а на календаре — февраль. И с этим приходилось считаться Ивану Лыкову — старшему инженеру-механику. Он давно уже привык к подобным вещам: календарь наоборот, сюрпризы Южного полушария. И этот огненный шар над горизонтом, и относительно «легкий» полуденный морозец этак в тридцать пять градусов. День и ночь сводящий с ума гул могучего бура в ледяной штольне там, в заботливо возведенном над местом бу-

рения ангаре. И эта колкая, ранящая взгляд искристость льда. И постоянный ветер, дующий с Южного полюса.

К подобным вещам Иван Лыков, инженер-механик антарктической станции «Восток», отмотавший здесь уже вторую свою зимовку, не считая летних производственных контрактов, привык.

Но с некоторых пор тут на станции стали происходить иные вещи. И вот это и разрушило весь баланс. Весь с таким трудом выстроенный, выстраданный баланс после той, другой жизни там, в Москве, после жизни в квартире в старом доме у станции метро «Автозаводская». После сестры Анны.

Старшая сестра Анна вышла замуж за бельгийского дантиста и уехала. Теперь у нее дом в деревушке Ватерлоо — той самой, «Лендровер», собака ретривер, муж и уже двое детей. Время все меняет, все лечит.

Когда-то это самое время тут, на антарктической станции «Восток», текло, пролетало, шло шагом, тянулось, сочилось по капле незаметно. То есть в этом инженер-механик Иван Лыков мог поклясться, но лишь лично для себя.

Другие сотрудники станции — ученые, инженеры, спецы из питерского Горного института, обслуживающий персонал — имели, видимо, каждый свой собственный счетчик времени.

И это самое время неумолимо приближало их всех. Вот только к чему?

Кто-то твердил о невероятном прорыве.

О величайшем, интереснейшем открытии.

Кто-то говорил о тайне природы.

Кто-то твердил о Боге, который все так устроил, нагромоздил всю эту многокилометровую толщу льда за миллионы лет, словно специально преграждая туда путь. Чтобы все оставалось как есть, запечатанным и нетронутым.

А некоторые, как, например, помощник инженера по буровым установкам Коньков, вообще плели черт знает что, насмотревшись фантастических боевиков по Интернету.

Иван Лыков здесь, на станции, вообще говоривший мало, не любивший особо трепать языком, слушал всех. Все эти разговоры, пересуды, сплетни, переговоры по радио с грузовыми кораблями, треп по-английски, по-французски, по-испански на кампусе, в лаборатории и в столовой, когда на станцию высаживался очередной десант наших и иностранных ученых.

Он слушал всё и всех, но больше доверял тому немолчному гулу, который исторгали из себя моторы буровых механизмов, которые он любил и лелеял как собственных детей.

Где-то там внизу, в ледяной штольне на глубине почти четырех километров, бур продолжал вгрызаться в толщу антарктического льда.

Они следили за работой на мониторах компьютеров.

Там, подо льдом, куда ни кинь взгляд, лежало озеро Восток.

Гигантское зеркало.

Закупоренное намертво льдами Антарктиды.

Отсеченное от нашего мира, когда Земля была совсем молодой.

— Добро обязательно должно победить зло. Так?

Нет ответа. Лишь эта искристая колкость, эта колючая искристость льда. Ветер и солнце, жалящее глаза даже сквозь темные очки. Эта сводящая с ума белизна, непорочность пейзажа.

— Я к тебе обращаюсь, я спрашиваю тебя. А если ни добра, ни зла? Как здесь. Если только одни льды? И солнечная пустота. И лето в феврале?

— Ты пьяный, что ли? — Иван Лыков нехотя обернулся.

Он стоял среди торосов и смотрел на хорошо знакомые ему строения — ангары, дизельную электростан-

цию, радиодом и саму «базу», где проходила вся их жизнь на «Востоке».

Отсюда с приличного расстояния открывался потрясающий вид — почти рядом с радиодомом один за другим садились вертолеты. Два наших грузовых с корабля, два американских тоже с корабля с надписью NASA. И потом через четверть часа еще два вертолета — новых, без опознавательных знаков.

У ангара с мототехникой суетились люди. Трактор, рыча, чистил запасную посадочную площадку от снега. На станции сегодня царило невероятное оживление. И не было отбоя от посетителей.

Кто полетит на вертолете с корабля в такую даль в глубь Антарктиды? В мороз, пусть и «легкий» по местным меркам, в тридцать пять градусов? Ответ: только те, кому это очень нужно. Позарез.

Неужели время пришло?

— Слышь, Вань, сегодня официально объявят, что все работы по бурению будут приостановлены до будущего года. Но мы бурим дальше. Американцы привезли робот-криобот. По сути, тут, на станции, вводится до поры до времени режим некоей секретности.

Иван Лыков смотрел на помощника инженера Конькова, который его допекал, нарушая уединение. Небольшого росточка, бритый под ноль, жизнерадостный, помешанный на пришельцах и фильмах про пришельцев, питерский, холостой (в Питере осталась горячо любимая мама и волнистый попугайчик). В оранжевой пуховой куртке здорово смахивающий на Винни-Пуха.

— Зонд-криобот, как торпеда, там у него носовая часть разогревается, и с помощью гравитации он опускается в нашу штольню, а потом уже на глубине он сам начинает внедряться, растапливая лед. Там электроники до черта напихано, сплошные датчики, я видел. Сканеры, анализаторы газа, и забор проб он тоже производит, — Коньков возбужденно махал руками. — Все просто ошалели — и наши, и ихние, и норвежцы прикатили

на вездеходе со своей станции. Оборудование на сто миллионов долларов. И знаешь для чего все это? Они хотят получить повторную аналогичную пробу в ледовом керне. А потом, когда доберемся до самой воды, до озера, из воды тоже...

— Мы до озера еще не скоро доберемся, не в этом году, — сказал Лыков.

— Вот! Вот потому-то и весь этот бум. Они хотят во что бы то ни стало еще одну пробу получить из нового керна. Аналогичную той. Сколько пытались уже. Поэтому и зонд-криобот тут. Это не обкатка оборудования NASA, пусть хоть нам-то в глаза не врут. Какая, к черту, обкатка, проверка оборудования, кто и когда еще к этому спутнику Юпитера, к этой Европе полетит, не при нашей жизни это, старичок. Нет, и у наших, и у американцев другая цель. Они хотят аналогичную пробу с аналогичным содержимым. В том керне, что мы тогда извлекли...

Когда Иван Лыков, завербовавшийся по контракту, прибыл на «Восток», работы по бурению подледной штольни к закрытому озеру после многолетнего перерыва из-за безденежья возобновились.

Один сезон, второй сезон, зимовка, потом недолгий отпуск на Большой земле, затем еще один сезон, снова отпуск, на этот раз в тропическом Таиланде с аквалангом, и опять новый сезон работ и новая зимовка.

Он хотел взять отпуск с апреля, с начала антарктической зимы. Но теперь не уедет со станции. Раз тут пошли такие дела, он останется.

Лыков наблюдал, как из вертолета без опознавательных знаков высаживалась группа людей в ярко-синих и алых парках. У одного из встречавших теплая пуховая парка была коричневого цвета. Словно его облили шоколадом с ног до головы в капюшоне.

— Военные прилетели и с ними гражданские, большой бизнес. Значит, большой интерес во всем этом. К той нашей пробе, когда забор делали тестовый из

керна, — никогда еще миляга Коньков не выглядел таким взволнованным, так и пылавшим азартом и любопытством, — нанокорпорация опять гонцов прислала, я с одним типом переговорил в столовой — он от концерна «Биотехника», Веретенников его фамилия, Павлом зовут, так он все меня спрашивал, допытывался. Воон он, а эти, которые вокруг него, это все сплошь военные, хоть и куртки МЧС напялили, не хотят перед американцами светиться. А у тех тоже на двух ученых из Колумбийского университета трое переодетых цэрэушников. Но наши с этим мирятся. Понимаешь? Все со всеми готовы примириться и все это терпеть — весь этот камуфляж, станция, штольня, бур — наши, криобот-зонд ихний. Значит, дело того стоит, чтобы забыть обо всем, чтобы работать сообща.

Лыков смотрел на военных в куртках МЧС, на менеджера корпорации «Биотехника» Веретенникова — бородача в коричневой парке. Наверное, специально бороду перед поездкой сюда в Антарктиду отпустил: щеки отморозить боится.

Возле бурового ангара кучковалась еще одна солидная группа — ученые. В центре — мощная фигура известнейшего российского полярника и депутата. Его тоже все за глаза зовут Борода. Раз и Борода прилетел из Москвы, бросив все думские дела, значит, дело действительно того... что-то грядет.

Или уже произошло, когда они извлекли тот ледовый керн и взяли пробы на анализ.

— Спецы из «Биотехники» искали тебя, у них там какие-то вопросы по технике бурения.

— Я сейчас приду, — но Иван Лыков не тронулся с места.

Если взглянуть на все это непредвзято, то в общем-то весь этот девственный первобытный пейзаж создан лишь из двух красок — белой, цвет снега и льда, и голубой, цвет небесного свода.

Чаша его переполнена до краев солнечным светом, что не греет тут, не дарит тепла.

Есть еще другие цвета — фиолетовые тени, например, розовая пена облаков, оранжевые пятна, черные точки, пульсирующая радуга, когда закрываешь глаза на секунду.

Кроме четырех основных элементов, тут всегда присутствует пятый. Это пустота. В этом Коньков, наверное, прав. Пустота включает в себя и это небо, и льды, и неизведанное озеро под ними, там, глубоко внизу. Темными ночами в сумасшедший мороз здесь падают звезды с неба и тихо, безмолвно приземляются в снег, застывая все новыми и новыми кристаллами льда.

Но покоя нет и тут. Пятый элемент, именуемый пустотой, покоем, безмолвием, потерял самую главную свою составляющую. В течение нескольких десятков лет на станции «Восток» первобытную тишину нарушал гул буровой установки, ледяная штольня росла, углублялась.

До воды подледного озера остается не так уж и много. Что там внизу?

— Ты как будто спишь на ходу. Или гредишь, — Коньков потряс Лыкова за плечо. — Что, опять свои таблетки принимал?

— Нет.

— Ты слышал, что я сказал?

— Да, слышал.

— Если из-за одной только пробы из керна такой вселенский ажиотаж поднялся, то что же будет, когда пробьемся к воде? Ты «Секретные материалы» смотрел? А «Нечто»? Голливуд еще когда все это будоражить стал. Да что фильмы, ты в Интернете глянь — сколько пишут. Многие считают, что в озере подо льдами НЛО, космический корабль, потерпевший аварию в Антарктиде.

— Там нет никакого космического корабля, ты сам это прекрасно знаешь, — сказал Иван Лыков.

— Пусть так. Тогда что же там есть? Что мы нашли?

На расчищенную трактором запасную площадку у дизельной электростанции садился огромный грузовой вертолет с надписью «Россия» на борту.

Рев его винтов оглушал даже на таком расстоянии.

Иван Лыков зашагал в направлении станции. Что бы там ни объявляли официально о приостановке бурения, какой бы режим секретности ни вводили, сегодня, и завтра, и послезавтра, и через месяц тут, на «Востоке», его рабочий день, его смена. Они будут долбить эту штольную до самого конца. До темной воды.

И если что-то, сокрытое подо льдами миллионы лет, затаившееся, грозное, лишь ждущее своего часа, вырвется на поверхность, значит, так тому и быть. Не в этом ли величайшая тайна природы, жажда познания, более сильная даже, чем инстинкт самосохранения? Они узнают, что там внизу, пусть даже потом погибнет весь мир и они вместе с ним. Они все равно всё узнают.

Глава 2

ДЕВЯТЬ МИНУТ

*24 августа 2011 года
17 час. 00 мин.*

В Главном зале Центра управления полетами Федерального космического агентства, столь хорошо всем знакомом по многочисленным телерепортажам в новостях, на секунду воцарилась абсолютная тишина.

Две команды операторов — за столами перед светящимися мониторами компьютеров и огромный экран во всю стену, поделенный на три части.

Секунды до старта ракеты-носителя «Союз-У» с грузовым космическим аппаратом «Прогресс» на борту.

Обычный штатный полет грузового корабля к международной космической станции, МКС. Но Главный зал на секунду замер.

В центре большого экрана картина, от которой захватывало дух: серебристая ракета на фоне оранжевых облаков, необычайно земная по своему внешнему виду и техническому исполнению, привычная по тысячам кадров прямых трансляций запусков, фотографиям, фильмам, хроникам и вместе с тем невероятная, фантастически прекрасная, как может быть прекрасным лишь космический корабль, настоящий космический корабль, что вот сейчас... сейчас... сейчас в клубах дыма, в огне, в тучах пыли взлетит...

Через секунду превратится в сияющую точку.

И отправится туда, куда мы все, все без исключения часто смотрим, запрокинув голову, и видим днем синеву, тучи, грозу, солнце, а ночью россыпь звезд.

Мы все смотрим туда, в небо, и хотим там быть.

Но летит туда этот космический корабль «Союз — Прогресс».

На космодроме Байконур за тысячи километров от ЦУПа все тоже на доли секунды затихло.

Порыв ветра умер, наткнувшись, как на упругую стену, на заросли тамариска и джужкузгума, вода реки Сырдарья, пересекающей равнину Байконур, покрылась рябью, знойный вечерний воздух наполнился запахом полыни, пыли, машинного масла, гари.

Обратный отсчет...

В бункере управления на космодроме Байконур и в Главном зале ЦУПа в городе Королеве в Подмосковье десятки людей разом вздохнули полной грудью.

— Над космодромом погода ясная, погодные условия в норме...

— До пуска четыре секунды... три...

Рев, гул, грохот.

В действие пришли двигатели «Союза», и корабль задрожал, завибрировал, пытаясь сбросить с себя оковы

крепежа, что все еще удерживали его на стартовой площадке.

— Три... две... одна... точка невозврата.

Заработали ракетные ускорители. От рева, от турбулентности, казалось, весь Байконур ходил ходуном.

— Полная мощность.

— Есть полная мощность.

Грохот реактивных двигателей, извергающих языки пламени, выхлопные газы цвета смолы, цвета пурпура, цвета пара, пыль, пыль, пыль, пыль...

В ЦУПе на большом экране сдвоенная команда операторов наблюдала, как «Союз — Прогресс» поднимался все выше и выше в этом многоцветном пылающем облаке.

Выше...

Выше...

Туда, наверх, откуда Земля — лишь голубой шар, окутанный мглой, туда, где парит в черноте, в невесомости, в пустоте космоса МКС, обращая все свои солнечные батареи к Гелиосу, ярчайшему из звезд.

Кто видел это, кто это знает, кто это прочувствовал, делает все, чтобы спасти эту красоту, эту мощь, это великолепие, эту гордость.

Пойдет на все, лишь бы спасти, не дать разрушить или навредить чем-то.

— 17.01 — первая минута полета, полет проходит штатно.

В это время, когда в ЦУПе в Главном зале это сообщение появилось на табло над большим экраном, к которому были прикованы все взоры, в кабинете на третьем этаже без окон, со стенами, представляющими собой целиком один экран монитора, собранный из отдельных сегментов, дающий невероятные возможности слежения за всеми фазами подготовки к старту и запуску, у одного из находившихся в кабинете мужчин зазвонил мобильный телефон.

В кабинете были двое — мужчины среднего возраста в строгих костюмах, один высокий, уже с заметной сединой на висках, другой пониже, полный, лысый. Мобильный зазвонил у того, кто с сединой.

— Алло, я слушаю.

Кабинет со стенами-экранами полностью звукоизолирован и всегда находится под охраной. Снаружи служба безопасности видит через камеры слежения все, что происходит, все записывается на пленку, все переговоры фиксируются.

Это для будущих расследований, если вдруг возникнет нештатная ситуация при запуске, или же для архива космического агентства, если запуск пройдет гладко, — смотря по обстоятельствам.

Запись переговоров включена.

— Я слушаю, запуск только что прошел нормально... Что?! И вы ставите меня в известность лишь сейчас?!

— Включите громкую связь, — попросил седого полный коллега. — Что случилось?

Громкая связь мобильного включена. На том конце мужской голос. Говорящий даже не пытается скрыть сильное волнение и растерянность.

— Немедленно отложите старт!

— 17.02, вторая минута полета проходит штатно. Разделение первой и второй ступени произошло.

Голос в динамике оператора, «ведущего» полет, — там, в Главном зале, где вся сдвоенная команда уже с головой ушла в работу, и тут, в главном узле связи и контроля, в капитанской рубке, изолированной от внешнего мира.

— Немедленно отложите все!

— Это невозможно, уже идет вторая минута полета. Что происходит?

— Груз. Это все груз на борту «Прогресса».

— Груз стандартный, как обычно. Продукты, свежие овощи, топливо в баках системы дозаправки, медицинское оборудование, предметы гигиены для экипажа,

подарки, книги, а также оборудование и материалы для научных экспериментов на борту. Все как всегда. Что случилось?

— Звонили из лаборатории, образцы для эксперимента TF-77 непригодны для транспортировки на МКС.

— Я смотрел утвержденный список, я его подписывал... этот эксперимент в рамках научной программы, мухи-дрозофилы, — сказал полный, стараясь, чтобы в телефоне его услышали.

— Какие, к черту, мухи-дрозофилы, это TF-77, образцы полностью непригодны для транспортировки на МКС.

— И вы нам это говорите только сейчас? Где вы были раньше?!

— 17.03. Третья минута полета проходит в штатном режиме. На четвертой минуте ждем разделение второй и третьей ступени.

Голос оператора в динамике.

— Звонили из научно-экспериментального, там в хранилище датчики контроля и анализа просто взбесились. Все случилось только что. Понимаете, только что! Ситуация развития на 16 часов 50 минут. Не было никакого воздействия, никаких экспериментов с этой частью образца не производилось. Все случилось самопроизвольно. Резкое и неожиданное увеличение массы клеточной культуры исследуемого образца. Всплеск, неконтролируемый всплеск. И они не знают, в чем причина, как и почему это случилось. Они не знают, каковы возможные последствия.

— Вы имеете в виду...

— Да-да, именно это я имею в виду. Угроза бактериологического загрязнения МКС, если «Прогресс» доставит все это на борт.

— Но контейнер можно не открывать!

— Они не ручаются за последствия, они не знают, с чем имеют дело и как это теперь себя поведет даже в контейнере. Вы понимаете? В условиях хранилища тут на земле беспричинно возникла нештатная ситуация, а

что случится в космосе? Мы не можем допустить даже тени такой угрозы... даже предположения, что нечто подобное может произойти на МКС. Вспомните, сколько мучились, когда там завелся этот чертов грибок, а это вам не безобидная плесень, все может оказаться гораздо хуже.

— 17.04. Четвертая минута полета проходит штатно. Разделение второй и третьей ступени произошло.

— Вы слышали? Разделение второй и третьей ступени. Через пять минут мы ожидаем отделение транспортного корабля от ракеты.

— Я уже связался с военными.

— Что?

— Мы не можем допустить стыковку корабля, везущего такой груз на МКС. И на орбите в качестве мусора космического он нам не нужен. Остается лишь один выход.

— Но как мы объясним?

— Пройдет информация о том, что двигатели дали сбой. Быстро рассчитайте траекторию падения обломков «Прогресса», когда он будет сбит континентальной ракетой.

— Оператор, немедленный расчет траектории падения обломков корабля ориентировочно на пятой-седьмой минуте, — срывающимся хриплым голосом командовал севший к монитору лысый коллега седого.

— Но полет проходит штатно, — голос оператора.

— Без рассуждений, расчет траектории падения обломков. Выполняйте!

— Военные на связи, — донеслось из телефона. — Доложили в Генеральный штаб и наверх. Наземные средства так быстро не развернуть, они его не достанут. Подводная лодка в Арктике, они уже на связи. Они на открытой воде, у Северной Земли, не во льдах. Готовы к пуску ракеты.

— Бог мой, тридцать лет не было катастроф с космическими грузовыми кораблями, — застонал седой. —

Подумайте, что начнется, как это воспримут. Такие убытки, потом возникнут проблемы с МКС, ведь следующее полетное окно только через несколько месяцев.

— Я готов к любому развитию событий, — отчеканил голос в трубке. — Но «Прогресс» с потенциально опасным грузом до МКС не долетит.

— Есть траектория падения обломков корабля. Дальность 1570 километров, если это произойдет на 325-й секунде полета. Район падения обломков Алтай, ориентировочно горная лесная местность, удаленность от крупных населенных пунктов, — доложил лысый, получив данные от оператора ЦУПа.

— 17.05. Пятая минута полета проходит штатно, — доложил второй оператор.

— Военные на связи. Команда о запуске ракеты ушла на подводную лодку. Вы верите в Бога, коллега?

Мужчина с сединой на висках, с мобильным телефоном, прижатым к уху, молчал.

ПАУЗА.

— Полет проходит нормально, в штатном режиме. На девятой минуте ожидается отделение грузового аппарата от ракеты-носителя... Боже, что происходит??

Оператор буквально взвыл, потрясенный зрелищем, что внезапно открылось на мониторе.

— Цель успешно поражена. Военные рапортуют, — бесцветным голосом доложил говоривший на том конце мобильного.

— Я вижу, — сказал человек с сединой.

— Я тоже это вижу, — прошептал полный, руки его тряслись. — Такую работу загубили, такой корабль. Можем все коллективно писать заявления об отставке.

— Не об этом сейчас надо сокрушаться. Есть более важные вопросы. Коллеги, возникла нештатная ситуация, — объявил по громкой связи человек с сединой на висках. — Немедленно свяжитесь с представителями конструкторского бюро «Прогресс» и звоните в объединение

«Энергия». Я собираю совещание по итогам запуска... то есть по итогам аварии, возникшей при запуске.

Где-то там, очень далеко от ЦУПа, в подмосковном Королеве, от космодрома Байконур, над лесами, над горами, в белых снеговых шапках, крохотная светящаяся точка, так похожая на раскаленную булавочную головку на фоне закатного вечернего неба, вспыхнула ярко-ярко и распалась на огненные части.

Так и не долетев туда, куда мы все так мечтаем по-пасть.

Глава 3

ШАМАН ГОВОРИТ

*24 августа 2011 года
Алтай, Чойский район*

— Это случается лишь после очень холодной и долгой зимы. Такая зима приходит раз в несколько десятков лет, и оно спит, пережидая ее в своем логове. Копит свой лютый голод. Копит свою ярость. И темными ночами, когда ледяная крупа бьется в стекла окон как белый гнус, матери в поселках по всему тракту, матери в горных аилах пугают детей: берегись, оно там, в темноте, в тайге, в горной пещере. Когда почует запах весны, оно выберется наружу для новой охоты. И добыча его — мы.

Тубаларский шаман умолк, затянулся из трубки, глядя на огонь в очаге. Туристы — студенты Токийского университета, совсем притихшие, подвинули ему поближе свои диктофоны. Господин Тосияма Ито, его семидесятилетняя мать Юрико-сан и дочь Сатико-сан склонили ухо, проводник и гид Рюрик Гнедич зашептал им по-японски перевод.

Сергей Мещерский, сидевший тут же у очага в айлучуме, опустил голову, чтобы туристы, клиенты турфир-